

ГНАПОВСКАЯ Л.В

(Украинская академия банковского дела НБУ)

**ОНОМАСТИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ:
НОВОЕ РЕШЕНИЕ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ**

The paper focuses on key principles of onomastic nomination. Philosophical foundation for differentiating between the linguistic categories of "proper names" and "common nouns" is provided. Basic characteristics of the onomasticon are considered with respect to social nature of the onomasticon.

Key words: *onomastic nomination, proper name (onym), common noun, condensed ethnic-cultural text, identifying function.*

В современной философии языка категория «имени» выполняет роль, сходную с той, которую играет понятие «бытия» в философии в целом: ведь Имя — это бытие предмета в ином, не-вещном мире, не в реальной «действительности вещей», а в столь же реальной «действительности идей». В пространстве мыслей Сущее как Бытие проявляется как взятый в своем становлении объект для некоторого субъекта

[Хайдеггер 1990]. Объект этот мыслится как Предмет в многообразии и повторяемости своих свойств и качеств и един как идея (зйдос), порождающаяся в различных вариантах. Именно мысль постигает Предмет как зйдос — идею, смысл, тайну, скрытую в явлении вещи. Эту тайну и призван «схватить» язык. Раскрыть ее, проинтерпретировать зафиксированное в языке ИМЯ Предмета — значит понять сам Предмет, т.е. максимально приблизиться к итоговому моменту теоретической деятельности сознания — к встрече со смыслом [Сватко 1993, с. 43], осуществить «приближение к зйдосу — горизонту сверхчувственного мира как мира истинно сущего» [Хайдеггер 1990, с. 171]. ИМЯ наиболее явно воплощает в себе свойства слова как базисной единицы языка и прежде всего — способность к отчетливому членению континуума действительности. Более того, в ракурсах номинирования и референции оно зачастую становится глубже и глобальнее слова как единицы словаря, и в настоящее время прослеживается тенденция к отождествлению «имени» с «языком» вообще [Руденко 1993, с. 72-73, 86].

Рассмотрение имени как лингвофилософской категории возможно с точки зрения двух подходов, которые были выделены ещё Платоном и Аристотелем. В результате разграничения недискурсивного (феноменологического, интуитивного) и дискурсивного (логичного, рассудочного) типов мышления сложились две модели осмысления мира: *логическая*, основанная на принципе анализа, т.е. «склеивания мира из осколков», и *зйдетическая*, где основным принципом является принцип синтеза — «картинности мира». При этом дискурсивное рассудочное мышление, которое совершает познавательное движение от явления к сущности, не является универсальным, единственно возможным, поскольку там, где *логик* видит манипулирование с понятиями, *зйдетик* «схватывает» зйдос как предметную сущность имени, как сам Предмет. Утверждая изначальное тождество мышления и бытия, он мыслит предметно, т.е. в плане «уразуменной явленности вещи» [Лосев 1990, с. 177], дополняя логический анализ моментом диалектического синтеза [Сватко 1993, с. 34-38]. На рассмотрение зйдетической (феноменологической) явленности Имени, дающей возможность понять «живую диалектику Имени как умного Имени, понять самое Имя, а тем самым приблизиться и к тайне мира» [Лосев 1990, с. 227], и ориентирована современная *когнитивная парадигма* в языкознании.

По мнению Ю.И. Сватко, становление Имени как зйдоса происходит на основе общих концептуальных категорий *качества* (самотождественного различия), *числа* (подвижного покоя), *процесса* (становления), *предмета* (единичности, отдельного) [Сватко 1993, с. 38]. Эти категории являются, по словам Э. Бенвениста, «столь же универсальными, сколь и языковыми», и именно в них «сущностятся» части речи.

В рамках предлагаемой статьи нас интересует та ступень в системе именных абстракций, которая представлена категорией «*имя предмета*». Данная категория, актуализируя общефилософскую категорию «отдельного», реализует ее в двух плоскостях: через *общее имя* (имя нарицательное — далее ИН), идентифицирующее дискретные классы объектов (понятий, идей, концептов, лингвистических квантов действительности), и *единичное имя* (имя собственное — далее ИС), осуществляющее идентификацию дискретных объектов (конституентов) этих классов.

Разведение общих (нарицательных) и единичных (собственных) имён в рамках единой категории «имя предмета» базируется на типе отражаемого ими признака. *Общие имена* содержат в своей семантике значение дискретности, обозначающее

разложимость класса на отдельные элементы. Значение таких имён сводится к целостному образу объекта, в основе своей — обобщенному образу, т.е. *понятию*. В сфере же *единичных имён* отражаемый ими признак теснейшим образом связывается с понятием индивидуальности, единичности, единственности в своем роде, неповторимости во времени и пространстве. ИС ориентировано на одновременную отнесенность только к одному в рамках конкретной ситуации именования объекту. При этом количество обозначаемых им признаков этого объекта может быть потенциально бесконечно. Поэтому, по мнению Д.И. Руденко, описание ИС обычно происходит через категории «единичного» и/или «индивидуального».

Как показал анализ литературы, вопрос о том, «понятийны» ли ИС, является ключевым в ономастической теории и представляется спорным. Одни исследователи, объясняя особое положение онимов в языковой системе приложимостью их к индивидуальным объектам, выделяемым из ряда подобных; единичностью ассоциаций «имя — вещь»; употреблением в особых, частных значениях при отсутствии у них общего значения, соотносимого с понятием, как это типично для нарицательных существительных, делают вывод об узкой, бедной семантике ИС, вплоть до их полной асемантичности. Такой подход восходит к софистической теории именования «по соглашению», к трактовке онимов как «пустых», «незначущих» знаков, к рассмотрению их в качестве «жёстких десигнаторов».

Идущая от Б. Рассела трактовка ИС как выражений, синонимичных некоторому множеству идентифицирующих дескрипций, заключающих в себе существенные признаки обозначаемого объекта, послужила философским основанием концепции «максимальной значимости онимов». Согласно последней, их семантическая структура шире и богаче значения ИН. Синонимично «значению» в данном случае употребляются термины «содержание» и «информативность», концептуально близкие понятиям «ближайшего» (узально-языкового) и «дальнейшего» (энциклопедического, индивидуально-личностного) значений у А.А. Потебни.

Данная точка зрения находит параллели с исследованиями, выполненными в рамках прагматического подхода к рассмотрению смысловой структуры ИС, при котором ключевой является мысль о том, что ассоциирующиеся с ним значения принадлежат прагматическому, а не семантическому компоненту языка. При анализе онимов рекомендуется дифференцированно рассматривать их как незамкнутый класс единиц языка («name inventories») с одной стороны и выражения, получающие конкретную референцию в процессе функционирования в речи («referring expressions»), — с другой. В качестве одного из вариантов разрешения споров о природе смысловой структуры онимов также предлагается дифференцировать «собственные существительные» («proper nouns») как грамматические подклассы и «собственные имена» («proper names») как закреплённые («institutionalized») как-либо формальным актом именования и/или регистрации единицы, идентифицирующие объекты реального мира.

При определении ономастического статуса ономастической лексики мы исходим из того, что существование нарицательных и собственных имён как категорий естественного языка отражает существование и диалектическое единство общефилософских категорий «единичного» и «общего». Последние трактуются в диалектике как стороны, «моменты» «отдельного». Из этого следует, что разделение признаков на единичные и общие не является абсолютным, раз и навсегда данным, и именно такая картина наблюдается в лингвистическом плане в сфере взаимодействия общих (ИН) и единичных (ИС) имён в рамках единой категории «имя предмета».

Общие имена, имеющие в основной массе огромную семантическую нагрузку в отношении классификации (идентификации) *классов* семантического континуума, и единичные имена, служащие целям идентификации *отдельных элементов* этого континуума, обозначают разные степени обобщения, что дает возможность говорить о градации единой функции *идентификации*, выполняемой единой категорией «имя предмета».

Общие и единичные имена находятся на противоположных полюсах процесса идентификации. Соответственно, они выполняют две полярные функции: классификации (ИН) и индивидуализации (ИС). Указанные функции не только сосуществуют, но и имеют свои градации, что приводит к объективной возможности перехода ИН в ИС и наоборот. При этом отметим, что при любой классификации фактов и явлений мы переходим от реалий к универсалиям, от дискретных объектов к их видам и родам. Теоретически всякие виды могут объединяться в роды, равно как и всякие роды могут дробиться на виды. Процессы объединения (интеграции) и дробления (дифференциации) назовём соответственно процессами генерализации и специализации. Индивидуализацию в этой связи можно рассматривать как нижний предел специализации, из чего неизбежно следует выделение специальной языковой категории, служащей целям индивидуализации. Роль такой категории играет в языке *имя собственное* как «языковая категория, основывающаяся на таких естественно-языковых процессах номинации, концептуализации, семантического отражения действительности, которые существенным образом отличны от зачастую представляющихся аналогичными процессов, протекающих в сфере имен других типов» [Руденко 1988, с. 55].

Своеобразие ономастической номинации заключается в том, что с помощью онимов как языковых знаков осуществляется различение объектов (живых и неживых) реального мира в таких классах предметов и явлений, которые представляются важными в жизни общества. Идентифицируя посредством лингвистических единиц пространства, соответствующие национальному, государственному и социальному членению мира, ономастикон представляет собой ту часть лексики любого языка, которая чрезвычайно тесно связана с потребностями общества и целиком обусловлена социально-историческими, экономическими и социокультурными факторами. Поэтому семантическая структура ИС, выполняющих функцию «*общественно обусловленной идентификации*», оказывается тесно связанной со структурой внеязыковой среды. Следовательно, проанализировать данную языковую категорию, понять её, проинтерпретировать заложенные в ней глубинные смыслы невозможно без обращения к экстралингвистическим условиям её возникновения и функционирования — к широкому, историческому, социокультурному контексту. В свою очередь, исследование собственных имен с помощью понятия «широкого контекста» порождает довольно многочисленные лингвистические импликации и предполагает анализ взаимодействия собственно языковых и социальных (экстралингвистических) факторов в семантической структуре онимов.

В целом, следует подчеркнуть, что всякий оним представляет собой своеобразный индекс этнической интеграции именуемого им объекта в современном существовании этого объекта социум. С учетом этого, попытка выйти за рамки замкнутой «в-себе-и-для-себя» системы языка и привлечь к анализу собственно языковой субстанции данных смежных с лингвистикой наук — философии, антропологии, этнографии, социологии, культурологи — сможет приблизить

лингвистическое сообщество к разрешению многолетнего спора о том, как структурировано смысловое пространство, свёрнутое за внутренней формой имени собственного как лингвистической единицы. В контексте именно такого подхода авторская концепция имени собственного как «свёрнутого национального-культурного текста» позволяет рассмотреть акт ономастической номинации как сложный интеракционный акт, в котором посредством имени собственного как лингвосоциального знака именуемого объекта опредмечивается установка номинатора на включение именуемого объекта в процесс общественно обусловленной деятельности.

Определяя ИС как особый вид текста — *свёрнутый национально-культурный текст*, — мы исходим из того, что как диахронически, так и на синхронном срезе реконструкция внутренней формы онима позволяет декодировать свёрнутое в ней семантическое пространство текста. Текст этот представляет собой структурно-семантическое единство, репрезентирующее «пакет знаний» об одной из моделей интеграции именуемого объекта в современный его существованию социальный мир. Иными словами, за внутренней формой имени собственного разворачивается пропущенный через сознание интерпретатора этого имени сложный информационный комплекс — знание о его текстовом событии (прототипической референтной ситуации) и о прототипических образах участников этого события. Данная прототипическая референтная ситуация (назовем ее «Наречение объекта именем») моделируется с помощью динамического фрейма-сценария, в терминалах которого сконцентрирована информация, «снятая» с различных концептуальных плоскостей — онтологической, аксиологической, интенциональной, лингвокогнитивной. Через анализ этой информации эксплицируется атрибутивная зона каждого из актангов рассматриваемого фрейма, что позволяет рассмотреть функционирование онима-текста как номинативно-коммуникативного целого в *широком контексте* культуры социума.

В заключение отметим, что всякий текст — это одновременно и феномен действительности, и способ ее отражения. Он представляет собой форму существования культуры, продукт определенной исторической эпохи, отражение психической жизни индивидов этой эпохи. В то же время, «за каждым текстом стоит система языка» [Бахтин 1979, с. 283], и именно текст, наличие которого прослеживается за любыми актами общения, выступает в роли основной вербальной единицы коммуникации, призванной служить целям хранения и передачи информации [Петров 1991, с. 83]. Иными словами, рассматривая ИС как свёрнутый национально-культурный текст, отражающий мироощущение и миропонимание эпохи его создания, исследователь не может не учитывать двойственную природу этого текста. С одной стороны, как *единица культуры*, служащая целям идентификации объекта, оним-текст обладает собственным онтологическим (социокультурным) статусом в обществе, т.к. выполняет функцию *социального знака* именуемого им объекта. С другой стороны, очевидно, что как самостоятельная *языковая единица*, каждый оним характеризуется набором специфических черт, составляющих основу его *лингвистической природы*. В совокупности упомянутые выше характеристики составляют специфику онтологической данности имени собственного как категории языка и культуры.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
Лосев А.Ф. Философия имени. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 272 с. Петров Н.К. Язык, знак, культура. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1991. — 328 с. Руденко Д.И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопр. языкознания. — 1988. — №3. — С. 58-67. Руденко Д.И. Философия имени: в поисках новых пространств // Руденко Д.И., Сватко Ю.И. Философия имени: в поисках новых пространств. — Харьков: Око, 1993. — С. 69-97. Сватко Ю.И. Мир имени: явленность смысла (Ещё одна попытка осмысления философии имени) // Руденко Д.И., Сватко Ю.И. Философия имени: в поисках новых пространств. — Харьков: Око, 1993. — С. 3-68. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мёртв»: Пер. с нем. // Вопр. философии. — 1990. — №7. — С. 143-176.

ЖУЛАВСЬКА О.О.
(Сумський держ. ун-т)

МЕТАФОРИЧНА ПЕРСОНІФІКАЦІЯ КОНЦЕПТУ ТЕРОРИЗМУ У СУЧАСНОМУ АНГЛОМОВНОМУ ГАЗЕТНОМУ ДИСКУРСІ

The article establishes personified correlates of the TERRORISM conceptual referent, which constitute the image content of the concept TERRORISM in the contemporary English newspaper discourse. Basic correlates of the TERRORISM conceptual referent belong to the domains of HUMAN BODY and COGNITIVE-EMOTIONAL SPHERE of HUMAN PSYCHICS.

Key words: concept TERRORISM, cognitive metaphors of TERRORISM, English newspaper discourse, conceptual correlate/referent.

Метою статті є встановлення персоніфікованих корелятивів концептуального референта ТЕРОРИЗМ у сучасному англомовному газетному дискурсі.

У сучасному світі тероризм перетворився на реалію соціального буття, набувши масових масштабів. Особливо гостро проблема тероризму стоїть в англомовних соціумах, які є лідерами в боротьбі з терористичною загрозою миру та демократії.

Актуальність роботи визначається значущістю її об'єкта, концепту ТЕРОРИЗМ, для представників англомовних соціумів, а також відповідністю її методології та методичного інструментарію антропоцентричній парадигмі, яка наразі є пріоритетною для сучасних лінгвістичних студій, зосереджених на дослідженні взаємозв'язку ментальних і мовленнєвих структур.

Об'єктом цієї статті є метафори-персоніфікації, що прояснюють зміст концептуального референта ТЕРОРИЗМ у сучасному англомовному газетному дискурсі. Предметом аналізу є засоби мовного втілення корелятивів метафор-персоніфікацій в аналізованому дискурсі.

Попри значний інтерес до вивчення концептів у сучасному мовознавстві, метафоричне втілення концепту ТЕРОРИЗМ ще не було предметом комплексного когнітивно-дискурсивного аналізу, що й визначає наукову новизну роботи.

Метафоричні моделі, що експлікують концепт ТЕРОРИЗМ, вже були предметом нашого дослідження: встановлено метафоричний асоціативний зв'язок між концептом